

Менеджерам нового поколения посвящается

ИМ ХОЧЕТСЯ ЭТОГО ВСЕГДА

Макс
Нарышкин

Нет ничего страшнее затаенных мыслей персонала!

Макс Нарышкин
ИМ ХОчется этого всегда

«ЭКСМО»

2008

Нарышкин М.

ИМ ХОчется этого всегда / М. Нарышкин — «Эксмо», 2008

В крутой переплет попал бизнесмен Игорь Лисин. В возглавляемой им компании «Глобал» против него возник заговор. Среди бела дня убит ножом сотрудник компании, и затем последовали новые убийства. И обвиняют в них никого иного, как Лисина. Он ждет суда в «Матросской тишине». Он знает и убийцу, и как его подставили, но не может привести доказательства своей невиновности. Ему ничего не остается, как затеять свою игру. В задуманной им комбинации самая важная роль отведена молодой журналистке Жене...

© Нарышкин М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Макс Нарышкин

ИМ ХОчется этого всегда

Первый признак порчи общественных нравов – это исчезновение правды.

Правда, которая ныне в ходу среди нас, – это не то, что есть в действительности, а то, в чем мы убеждаем других. Совершенно так же, как и с обращающейся между нами монетой: ведь мы называем этим словом не только полноценную монету, но и фальшивую.

Мишель де Монтень

Пролог

Деревья распустили листву еще в конце апреля, и теперь, спустя три месяца, зелени в городе было столько, что это казалось легкомысленным расточительством. Никто не знал, что готовит погода столице осенью, но временами уже начинал поддувать ветерок, на пару градусов ниже стоящей температуры, а потому все были уверены, что будет все-таки не так жарко, как летом. Асфальт дымил с утра, поливальные машины лишь добавляли пару. Словно кто-то брал ковш воды в сауне и плескал на камни. Фонтаны превратились в излюбленное место встреч мам с малышами, а Пушкин тоскливо отдыхал в одиночестве, уже целый месяц не слыша признаний и проклятий. В общем, заканчивалось очередное ненормальное лето.

Ненормальным было все. Потребление спиртного в тридцатиградусную жару, количество инфарктов по сравнению с апрелем, и радовала только мысль о том, что Олимпиаду в Сочи мы все-таки выиграем. Не саму, конечно, а хотя бы право быть причастными к ней больше, чем те, кто ее выиграет. Ненормальной была духота, с которой не справлялись ни кондиционеры, ни антиперспиранты «Леди Спид Стик» с невидимой защитой, гарантирующие отсутствие белых полос, ни боржоми областного разлива. Ненормальным было даже то, что никто не хотел в Италию, там плюс 45. Тот случай, когда в Италию не хочется. В редакции была суета еще больше, чем зимой, и когда Женя вошла в свой кабинет, она снова возненавидела день.

Не успела она поставить сумку на стол, как запиликал телефон. Кто-то видел, как она заходила в редакцию, и, вероятно, решил поздороваться. Но поскольку в принцип ненормальности включалось все без исключения, то звонившим оказался главный редактор.

– Женя, зайди ко мне, – сказал он.

– А где – «Здравствуй, Женя»?

– Заодно и здороваемся.

Она вынула из сумки телефон, на тот случай, если позвонит тот ненормальный, что достает ее уже целый месяц и просит встречи, подумала, куда можно положить трубку, не придумала, да так и пошла с ней в руке. Сарафан и легкие, почти невесомые босоножки в офисах пришли на смену строгим костюмам, и даже телеведущие в конце лета одеваются так, словно сразу после прямого эфира собираются направиться на пляж. Женя отметила про себя тот факт, что худые мужчины и полные женщины чувствуют себя куда увереннее зимой. Ущербность мужиков и ожирение дамочек скрывают пуховики и пальто. С приближением лета начинается гон. Те и другие хотят прямо противоположного. Была бы возможность, одни забирали бы у других то лишнее, чего им недостает. В Жене лишнего веса не было ни на грамм.

– Привет!

– Привет.

Кто это был, она даже не заметила.

Дойдя до двери главного, она постучалась и тут же вошла. Марат Валентинович Боше сидел в кресле, изнывая от жары. Пиджака на нем не было, и его бы воля, он скинул бы и рубашку, и майку. Да и брюки заодно, оставшись в трусах и босиком.

– Как спала?

– А где – «Здравствуй, Женя»?

– Господи боже... Ну, здравствуй, Женя. Полегчало?

– Значительно.

– Так как спала?

– С каких это пор ты стал интересоваться моим сном?

– Я просто не знаю, с чего начать. – Боше дотянулся до сифона и выстрелил из него струей в стакан.

– Зайти попозже?

– Сиди. Пить хочешь? – он кивнул на сифон.

Женя помотала головой, и хвостик на затылке хлестнул ее по лицу. Так сильно не хотелось пить.

– И правильно. Дерьмо, а не вода. На, смотри, – и Боше, ловко выхватив из кипы бумаг на столе конверт, бросил его перед журналисткой.

– Что это?

– Ты что, читать разучилась?

– Ты сказал – «смотри».

Боше был явно не в духе. Женя понимала почему. Сто килограммов веса при росте в сто семьдесят сантиметров – сущая мука даже в декабре. А за окном лето... Он пил дерьмовую воду и, чтобы было не так обидно, предлагал ее другим.

Развернув конверт и вынув из него лист, она быстро пробежала его глазами.

«Главному редактору „Московского Слова“ Боше М.В.

Прошу прислать ко мне для интервью журналиста.

С уважением, Лисин И.И.»

– Не рассердишься, если я повторю вопрос?

– О Лисине слышала?

– О нем вся Москва слышала. Какдо, так и *после*. Кажется, какой-то олигарх.

– Ну, до олигарха ему, конечно... В общем, в «Матросской Тишине» он. Этого Лисина подозревают в нескольких убийствах.

– Боюсь, что уже не подозревают. Если верить телевидению Москвы, то уже не подозревают, а предъявили обвинение и направили дело в суд.

Пропустив это мимо ушей как малозначимое, Боше с равнодушным лицом поискал сигареты, не нашел.

– Еще вчера за интервью с ним я заплатил бы организатору без раздумий. Но каждый раз, когда намеревался предложить это, всякий же раз убеждал себя в том, что Лисин не потерпит в тюрьме никаких журналистов. А тут нате... В общем, ситуация такова, что без профессионала не обойтись. Я так думаю, что разговор будет интересный, и если мы выхватим интервью с Лисиным, то хороший рейтинг нам обеспечен. Бери все, что тебе нужно, и прямо сейчас отправляйся.

– Марат Валентинович, – опешив, пробормотала Женя, – о каком интервью речь? Ты же знаешь, что нас никто не выпустит туда.

– Впустят. Распорядились с Большой Дмитровки. Еще бы, для прокуратуры такой успех... Через неделю-другую ему объявят приговор. Я не знаю, какого черта нужно Лисину от моей газеты, но я точно знаю, что мне нужно от Лисина.

– Почему я?

– Нужен лучший... – Он выпил еще стакан и поставил неподалеку от себя. – А кто у нас лучший?

– А кто у нас по заграницам мотается в качестве специального корреспондента? – напомнила она.

– Трекалов, что ли? – Боше надул и без того пухлые губы. – Я не слишком хорошо его знаю, чтобы поручать серьезное дело.

– И все равно взял на работу.

– Ты знаешь, почему я взял Трекалова на работу. Точнее, почему мне его устроили... Пусть он лучше о колбасных праздниках в Баварии пишет, чем здесь сидит за столом и смотрит в стену.

– Но он же сейчас здесь?

– Да, он здесь. Сидит за столом, повторяю, и смотрит в стену. А муза все не летит. Она его потеряла на полпути в Россию.

– Но ты же всегда восхищаешься, когда читаешь его статьи?

– Я восхищаюсь тем, что он пишет их там, а не здесь. Трекалова я послать не могу. И точка. Своим творчеством он напоминает мне раннего Бунина. Очень раннего. Праздник пива – другое дело. Но интервью с убийцей-миллионером ему не по зубам, – сказал Боше так, чтобы в голосе не чувствовалось сомнения. – Мне не нужен в сенсационном материале художественный свист. Трекалов испортит все дело или выпустит Лисина на волю.

– Я думала, ты не слишком хорошо его знаешь.

– Достаточно, чтобы понять, что этот парень не для этой работы. В общем, звони в транспортный отдел насчет машины, а материал по взяточничеству передай Комарову... или нет, лучше Трекалову. Статья должна быть такой, чтобы не было понятно, то ли губернатор взял того, кто взял взятку, то ли губернатора взяли за взятку. Словом, чтобы было ясно только одно – губернатор замешан во взяточничестве. Как раз для Трекалова тема. Потом позвони в «Матросскую Тишину», сообщи, что едешь, чтобы тебе успели подготовить условия.

– Но сначала позвонить в транспортный отдел?

– Если, конечно, ты не можешь сделать три дела одновременно.

– Как насчет поездки в Анталию в сентябре?

– Ты ставишь меня в неловкое положение. Я не в силах тебе отказать, хотя точно знаю, что обязан это сделать... – Он постучал доньшком стакана по столу. – И премия в тысячу долларов, если материал пойдет.

– Значит, ты не знаешь, что ему нужно от газеты?

– Женя... – Боше провел по ее лицу взглядом мудрого, понимающего в интервью с каторжанами человека. Ему нравилась эта девушка. И не только как сочинитель текстов. – Евгения, меня мало заботит то, что нужно Лисину. Но я понимаю совершенно ясно, что это интервью значит для «Слова». Ему еще не будет объявлен приговор, а мы уже нарисуем картину его последних дней на свободе в тех красках, которые больше импонируют Лисину.

Выйдя из кабинета Боше, Женя с довольной улыбкой пошла по коридору. Кондиционеры работали на полную мощь, и каждые десять шагов ее волосы весело взметались вверх под струями прохлады.

– Женя!

Обернувшись в сторону открытой двери кабинета, она вошла, хотя, если бы не задание, у нее не было никакого желания общаться с блатным журналистом. Блатного в нем было только то, что тесть Трекалова, ректор академии, где обучались сотрудники ФСБ, попросил Боше пристроить к себе малосведущего в вопросах журналистики зятя. Боше сдуру согласился, полагая, что ректоры академий ФСБ дерьмо в карман знакомым не кладут. Оказалось, что еще как кладут. И теперь решительный, но бестолковый паренек разъезжал по европейским спецкомандировкам только потому, что Боше, дабы урвать с паршивой овцы хоть шерсти клок, устроил к

ректору на кафедре гражданского права только что отучившуюся в юридическом вузе и нигде не приглянувшуюся дочь. Надо полагать, что преподавала она в академии ФСБ ровно до тех пор, пока Трекалов был журналистом в «Московском Слове». Боше, профессионал и лауреат Пулитцеровской премии, сетовал на глупую дочь, на бестолкового Трекалова, однако делал это как-то обреченно, считая, видимо, что таковы сегодняшние реалии.

– Жень, как правильно пишется «Цеткин»?

– Не поняла.

– Ну, Цеткин, Цеткин, фамилия такая. Как правильно писать?

– Боже правый, – обалдела она, не сообразив сразу, что такие вещи нужно кому-то подсказывать, – возьми словарь и посмотри!

– Ладно, но на какую букву-то искать?

Оглянувшись, чтобы убедиться в том, что никто их не слышит, она перегнулась через плечо зарубежного спецкора и сдвинула в сторону стойку с вымпелом «Лучшему международному журналисту за 2006 год». Перед Трекаловым лежал конверт, который нужно было отправить по адресу, и беда заключалась в том, что адресат проживал на улице имени Клары Цеткин. Рядом лежал уже подписанный конверт, и там значилось: «Ул. К. Тсеткин, д. 32». Видимо, сама лингвистическая структура написанного вызвала у Трекалова какие-то сомнения, и он решил их развеять, попросив совета.

– Все правильно, – подумав, сказала Женя. – Клара – Тсеткин, Эдуард – Тсеолковский.

Жара была ей уже не в тягость. Она ехала в служебной машине в «Матросскую Тишину», чтобы встретиться с человеком, сведения о котором она выудила из Интернета, задержавшись с выездом на час. Скупые сводки и газетные статьи в информационных электронных изданиях констатировали тот факт, что второго такого мерзавца, как Лисин, в Москве стоило поискать. Он представлялся ей высокого роста отморожком с бычьей шеей, употребляющим блатную речь вперемешку с нанотехнологическими понятиями. Оказалось же, что угадала только с ростом.

Игорь Лисин вошел к ней в кабинет для производства допросов, и она увидела хотя и высокого молодого человека, но без бычьей шеи и толстых пальцев. Он оказался мужчиной приятным, и лишь бледность от долгого пребывания в камере немного портила его интересную внешность. Чуть больше средней длины волосы были аккуратно зачесаны назад и открывали чистый, правильной формы лоб. Взгляд милый, немного потухший. Он окончательно разрушил в ней придуманный ею же образ кровожадного коррупционного тирана. А когда открыл рот, чтобы поздороваться, стало ясно, что он еще и голос имеет приятный и глубокий. Словом, он мало вписывался в образ злодея, с легкостью забиравшего чужие души, в образ, нарисованный коллегами из СМИ.

Переговорив на входе с женщиной в камуфляже и с бычьей шеей, размером с платяной шкаф, она выслушала правила нахождения здесь и, пропустив такие серьезные моменты, как, например, категорический запрет передачи подсудимому компаса и веревки, запомнила главное. У нее будет пять дней по два часа. За десять часов чистого времени обвиняемый в серии убийств владелец компании «Глобал» Лисин Игорь Игоревич должен начать и закончить общение с журналисткой. Пообещав не передавать так необходимый заключенному в московском СИЗО компас, она была потискана бабой, доказала, что в сумочке нет ножа и пистолета, и только после этого ее провели наверх. Через десять минут Лисина привели.

– У вас один час сорок минут, – сообщил надзиратель.

– Мне сказали, что у меня будет два часа.

– Время этапирования заключенного входит в этот период.

– Но почему тогда, черт вас побери, час сорок, а не час пятьдесят? – вспыхнула Женя, не замечая улыбки Лисина.

– Потому что мне заключенного еще обратно вести, – добродушно пояснил надзиратель и исчез.

– Не спорьте с ними, – попросил Лисин. – Это самое бессмысленное занятие после стояния в пробке на Кутузовском. Будем считать, что эти двадцать минут мы потратили на привыкание друг к другу.

– Мы получили письмо...

– Вот так бы мы, верно, и потратили эти двадцать минут, – перебил Лисин. – Я возьму на себя вступительную часть. Я обдумывал ее месяц, а у вас не было и трех часов, так что будем ценить время. Вас зовут Евгения...

– Просто Женя.

– А я Лисин. Игорь Лисин. С одной «с».

– Вы обещали сэкономить для нас время, так действуйте. Я бы и так не взялась писать вашу фамилию с двумя.

– Есть те, что пишут. Итак, я арестован за совершение нескольких убийств. Следствием моя вина доказана, доказательства собраны, и, как заверяет перед телекамерами помощник прокурора Москвы, они-то и легли в основу обвинительного заключения. Я хочу, чтобы вы слушали меня те пятьсот минут, что у нас есть, и перебивали лишь для уточнения непонятных вам моментов. Я же постараюсь говорить так, чтобы появление таких моментов исключить вовсе. Еще я хочу, чтобы статья с моим интервью вышла до того, как мне объявят приговор.

– Я думала, что интервью – это диалог, а не монолог.

– Поверьте, вы услышите ответы на все свои вопросы, даже на те, которые будут приходить к вам после прощания со мной. Знаете, такое бывает. Переговоришь с человеком, кажется, что больше и сказать-то нечего, а стоит разъехаться, как тут же вспоминаешь, что забыл поздравить его сына с днем рождения и передать игрушку, которая все это время лежала на заднем сиденье. – Он потер руки и вынул из кармана сигареты. – Вы готовы?

Женя в некотором сомнении выложила на стол диктофон, вынула блокнот, вооружилась ручкой и осмотрелась. Ее окружали серые стены, давящие сверху, снизу и со всех сторон. Яичная скорлупа толщиной в метр, и где-то там, за этими ста сантиметрами мертвой тишины – жизнь, троллейбусы, метро, проблемы с такси...

– Корпоративный подарок?

– Что?.. – встрепенулась она и посмотрела на руку. Меж пальцев ее был зажат «Паркер». – Да, шеф нам всем преподнес ко Дню независимости.

– Ко дню независимости чего?

– Ко дню независимости России.

– От кого?

– От... поляков, я полагаю.

– Да, поляки нам всю историю отравили. Представляю, как бы мы жили, если бы не поляки. Он у вас экономный малый, этот главный редактор.

– В чем дело? – обиделась Женя за Боше. – Это перо стоит тысячу долларов.

– Это перо стоит двадцать долларов, изготовлено как раз в Варшаве. Я бы не рискнул делать своим такие подарки, у них утонченный вкус... Тем более ко дню независимости России от Польши.

– Разве у сотрудников компании по производству корма для животных может быть утонченный вкус?

– Скоро вы сами в этом убедитесь, – пообещал Лисин, оценив ершистость гостыи. – Но не будем отвлекаться. Все началось в тот день, когда я приехал на работу, а там меня поджидали все сотрудники отдела продаж во главе с его начальником, Александром Коломийцем...

Глава 1

Утром меня ждал сюрприз. У дверей приемной столпился едва ли не весь штат отдела продаж во главе с его начальником Сашей Коломийцем. Нервное напряжение гуляло по замкнутому помещению, то и дело касаясь меня своим тугим хвостом. Пошарив взглядом, я обнаружил прижатого к стенке толпой Факина.

– Бунт? – уточнил я. – Где плакаты «Лисин, отдай нам наши деньги»?

– Нужно поговорить, Игорь Игоревич, – отказываясь от игривого тона, сказал Коломиец.

– Заходи, – тоном Верещагина произнес я, и Коломиец поплелся за мной.

– Вообще-то, мы все хотели поговорить...

– Я собрания организываю только раз в месяц. Садись и говори, у меня нет лишнего тайма.

Коломиец очень огорчился, что не удастся поговорить всем, поэтому начал сразу:

– У меня сегодня утром пропала флэшка. У Гудасова сотовый. Все это случилось за два часа. У коллектива вопрос – кто бы это мог сделать?

– В смысле – схерить?

– За пять лет, что мы здесь работаем, кражи случались всего дважды. И оба раза в это утро.

– У вас, конечно, есть свои версии?

– Чтобы понять, почему происходит то, что не происходило ранее, нужно понять, что еще нового случилось из того, что ранее не происходило. Следствие не может возникнуть без причин, а потому нужно искать причину.

Скидывая пиджак, я покосился на него и уселся за стол.

– А ты бы не косил под Фрадкова. Не тяни kota за яйца, говори по делу.

– Из событий, которые мы выделяем в качестве причины, послужившей к краже, главным является человеческий фактор.

Выждав, я постучал пальцем по своим «Лонжин».

– Через две минуты я выставляю тебя за дверь.

– Пришел новый человек, и сразу стали пропадать вещи, – Коломиец понял, что я не шучу.

– Новый человек – это Факин?

– А больше никого не принимали. – И Коломиец, разведя руки, уставился на меня долгим взглядом. Он добился своего: не он говорил, что Факин – вор, я это за него сказал.

– Конечно, это серьезно, Саша, – согласился я, вынул из лотка чистый лист и толкнул по столу к нему. – Будем что-то решать с этим Факиным. Обрисуй-ка мне все в общих чертах.

– И за Гудасова? – вывинчивая перо из колпачка, оживился Коломиец.

Я смотрел и размышлял над тем, скольким людям губит жизнь вот такое выворачивание...

– Ну, если хочешь, и за него тоже. Он же тебе сообщил первому, так?

Через два часа у меня внешняя встреча, потом деловой обед. Но два часа есть, это я Коломийцу сказал, что времени в обрез, чтобы ни он, ни кто-либо другой не заподозрил, что у меня бывает по два часа свободного времени, да еще с утра.

Получив на руки заявление о пропажах, я кивнул головой и буркнул:

– Веди весь отдел в актовый зал.

Рома Факин сел на галерке, в стороне от коллектива. На нем были белые брюки и светлая рубашка. Куплено все, я уверен, на вчерашние подъемные, которые я велел выдать ему в бухгалтерии в качестве форы. Молодой человек потратил деньги не на пиво, праздную победу, а на вещи для работы, это похвально. Дешевые вещи, паскудные по качеству – я бы сказал, но

по цветовой гамме они подходили к тряпкам персонала компании, и, слава богу, работников выпускали через парадное, не идентифицируя дресс-код. Словом, все старания Факина попасть в струю общего корпоративного настроения были налицо. И мне тут же пришла в голову мысль о том, что карманник, забираясь в автобус, тоже стремится идентифицировать себя с пассажирами. Оценив общую волну настроения, я заметил еще одну интересную деталь. Все переговаривались друг с другом, перегибаясь даже через ряды, на Факина же никто не обращал внимания. Если бы все сидели недвижимо и отдельно, как совы днем, можно было подозревать, что все в шоке и ответ, почему из офиса стали исчезать личные вещи, ими не найден. При таком же положении, когда все были сплочены и лишь Факин бедным родственником сидел на отшибе, у меня, у руководителя, не должно было и тени сомнения возникнуть, кто виноват в том, что начало рабочего дня сорвано. И тут я заметил третью интересную деталь – Факин тоже ни на кого не обращал внимания. Хотя, казалось, обратись сейчас кто к нему, и он тут же пойдет на контакт...

– Итак, Александр, коротко о главном, – и я снова посмотрел на часы. Дурацкая привычка: я делаю вид, что ужасно занят, а многим кажется, что у меня провалы в памяти.

Коломиец встал и, так же как у меня в кабинете, без упоминания имен, изложил самую суть. Из офиса пропали карта памяти и сотовый телефон, принадлежащие сотрудникам. И коллектив просит меня выступить в качестве царя Соломона, то бишь – справедливого арбитра.

Но я-то знаю, что происходит на самом деле.

Я без труда читаю мысли этих двух десятков людей сквозь их прозрачные, но невероятно крепкие черепные коробки на расстоянии, как если бы держал их в руках.

Случилось то, что обычно случается в компаниях, управляемых руководителем, слегка приспустившим вожжи. Налицо все признаки моббинга.

В прошлом году я, потратив порядка десяти тысяч долларов на поиск профессионала, принял заместителем главного технолога Егора Колчакова. Некая схожесть его фамилии с героем Гражданской войны оказала высококлассному специалисту дурную услугу. Он отдал концы за свою веру. Я положил ему немалое жалование, предложил ряд корпоративных привилегий, и когда через месяц адаптации работа завертелась и дела пошли на лад, он явился в мой кабинет и предложил подписать его заявление об увольнении. По собственному, понятно. Я был не в шоке. Меня потрясло состояние грогги. Я влупил в него бешеные бабки, предоставил возможность трижды в неделю ему и его жене посещать элитный клуб, а вместо благодарности эта скотина пишет заявление и отваливает. На выходном собеседовании он выглядел как утомленный возложенными на него обязанностями и походами в клуб лузер, говорил о том, что ухудшилось здоровье, в общем, сам дух компании для него отныне вреден и даже опасен. Отложив эпилог нашего с ним разговора на после обеда, я вызвал всех, кто мог прояснить ситуацию. Главный технолог отморозил меня цитатами, как только что Коломиец, буровил что-то о недостаточной квалификации Колчакова, но по тону его я понял, что уход Колчакова будет воспринят с удовлетворением всеми без исключения сотрудниками отдела вовсе не из деловых соображений.

Офисные сплетни, интриги – это шутки по сравнению с тем, что именуется моббингом. Сломать топ-менеджеру перед внешней встречей перо в «Паркере», чтобы тот обнаружил это в тот момент, когда будет одновременно с партнером по бизнесу под пристальными взглядами десятка видеокамер выкручивать ручку для подписания договора о намерениях, – это еще не моббинг, это пакость, достойная Паниковского. Моббинг способен уничтожить компанию в считанные месяцы. Как только пройдет первый ход, обычно это – проверка руководителя по мелочи, так сразу же последует второй. Уже более основательный. Главное, чтобы прошел первый. Когда я врубился, в чем дело, я уволил Колчакова, потом главного технолога, а после официально урезал жалование сотрудников технологического отдела до тех пор, пока в кассу компании не возвратились те самые десять тысяч долларов. Я делал это открыто, заявляя о

том, что все, кому это не нравится, могут быть свободны по примеру Колчакова, а кому это не нравится, но он не хочет потерять место – жаловаться в профсоюз. Для того чтобы всем стало понятно, что моббинг я не люблю, я поставил последнюю точку. Одного из менеджеров, решившего-таки сыграть роль сексота в отношениях «Глобал» с профсоюзом, я уволил, предварительно вклеив два выговора. Есть люди, которые не понимают или не хотят понять, что все, что они ни делают, – это плохо, а если и называется – хорошо, то только потому, что президент проснулся в добром расположении духа.

Попыток отвергнуть еще кого-то больше не было, я же, впервые столкнувшись с этой паскудной офисной проблемой, как следует ее изучил.

Подобно сифилису, который начинается прыщом на губе, а заканчивается провалом носа и отсыханием члена, моббинг зарождается тихо и незаметно, и так же, как и сифилис, от хорошей жизни. Когда делать нечего, когда стрельба по петухам на экране монитора порядком утомила умы тех, кто наиболее не удовлетворен тем, что у Абрамовича есть яхты, а у них нет даже более-менее приличного мокика, начинают действовать.

«Джон, мне нужно делать доклад о ноу-хау в изготовлении жидкого корма для кошек, где взять?»

«Я знаю одного автора, Толя, его семинары даже столяра превращают в гения животного пищеводства! У меня есть материалы, возьми...»

«Джон, ты мой спаситель! Слушай, у меня доклад в пять, пока я буду с материалом разбираться, не мог бы ты скинуть мне из сети подборку свежих данных?»

«Ноу проблем!»

В пять выясняется:

- а) данные из сети не скачаны, потому что Джон был катастрофически занят;
- б) материал Джона, прозвучавший на совете директоров, – позавчерашний день.

Из-за срыва доклада в пять президент не имеет материала для встречи с немцами в восемь, а еще к нему есть немного вопросов у членов совета директоров, и вот президент уже мчится на Толяна, как подстреленный вепрь.

Это – моббинг, потому что Толян был хорошим специалистом. Ну, если не очень хорошим, то лучше Джона – по всем показателям.

Компания потеряла сотрудника, то есть подорвана ее экономическая мощь, на что Джону по большому счету решительно наплевать, поскольку его зарплата от этого меньше не стала, и никто не узнает, что это он слил Толяна, потому что Толян умнее.

Мне неприятно об этом говорить, но Факин сейчас в чумовом положении. Ему уже подписали приговор, а поэтому в ход сейчас пойдут все методы. Его не будут замечать в кабинете и коридорах, но одному или нескольким будет поручено сыграть в приятели, и эти «приятели» будут накачивать его дезой. Остальные распустят о нем дурные слухи – очень удобно его теперь окрестить, независимо от конечного результата этого собрания, «крысой», к примеру. Ему на сиденье кресла насыплют стриженных волос, и каждое его желание почесаться отныне будет официально трактовано как псориаз, что, без всякого сомнения, отобьет охоту общаться с ним даже у уборщиц.

ПРИДИ К НАМ, ДОРОГОЙ ДРУГ! НАША КОРПОРАТИВНАЯ СЕМЬЯ ВСТРЕТИТ ТЕБЯ ЗАБОТОЙ И ДРУЖБОЙ!

И он (она) пришел (пришла). Пн: «Мариванна, а как сделать вот это?» – «Татьяна, у меня сегодня дел невпроворот». Вт: «Мариванна, а как в компании принято писать вот это?» – «Татьяна, у меня сегодня дел невпроворот». Ср: «Мариванна, а где подписать вот это?» – «Татьяна, у меня сегодня дел невпроворот, спроси у Раислексеевны». «Раислексеевна, а как...» – «Тебя сюда Сидор Сидорович на учебу принял или работать?» Чт: «Сидор Сидорович, эта Татьяна мало того что ни с кем не советуется, так она еще в другие компании звонит и информацию сливает!» Пт: «Уволить Татьяну. Основание: заявление Татьяны».

Это – моббинг. Проблема не только в том, что Танечка не просто красивая девочка, куда красивее Машеньки и Раечки, проблема в том, что Танечка еще и невероятно энергична и умна. И кто поручится за то, что через месяц-другой она не выдавит Раечку и Машеньку? А все потому, что нельзя быть красивой такой...

Это – только прыщик на губе. Как только вариант с Таней прокатит, сифилис поперет дальше. И будет стегать организм доселе цветущей компании вдоль и поперек.

Вдоль он стегает обычно стаф, равный по значению. Стегает коллектив одинаковых одного непохожего. В роли последних обычно выступают Факины, только что прибывшие на работу в брюках фабрики «Северянка», но с немислимым интеллектуальным потенциалом. Штаны-то он новые купит, а куда умище-то девать? – его не растеряешь, коли есть... Умище только окрепнет, и этот дуэт с новой парой от Версаче вскоре засияет новой звездой, снисходя лишь до того, чтобы бросать на остальных отражающиеся от себя солнечные зайчики. Никто не хочет быть поверхностью, по которой бегают зайчики, – не замечали? Засиял, паскуда, а теперь босс поднимает планку и заставляет сиять всех! Штаны-то, блин, есть у всех – а умище-то где брать?!

Но есть спасение! «Вам на помощь придет моббинг. Наш моббинг обосрет брюки всех неугодных!»

Поперек стегает сифилис, прыщ от которого вскакивает на лбу и прет к ногам или наоборот. То есть по вертикали. Мариванна, начальница Раислексеевны, выдавливает на лбу, чтобы ушло к ногам, а Раислексеевна давит между больших пальцев ног, чтобы перекочевало на переносицу. Где в конце концов созреет, там и отсекут.

Давят коллективно, давят индивидуально, латентно и открыто, искусно и топорно.

Вариант с флэшкой и сотовыми телефонами – грубо и открыто. Видимо, не разобравшись как следует в Факине, его решили опустить самым примитивным способом.

Виноват, конечно, я. Я уже давненько не болтал с нашей несравненной Анной Моисеевой, фамилия которой – Звон, с нашей любимой и ответственной кадровичкой, на которую возложены заодно функции и конфликтолога. При той зарплате, за которую она ежемесячно расписывается в ведомости «Глобал», ей следует шевелить булками, а не просиживать часами в своем эйчаре и не посвящать девок в тонкости засолки огурцов, которые им решительно по хрену и о которых они слушают только затем, чтобы не выглядеть умнее.

В общем, ребята, я уже давно не драл ваши задницы...

Глава 2

– У вас нет, видимо, подозреваемых, Коломиец, коль скоро вы привели ко мне весь отдел? Коломиец рассчитывал на иную реакцию. По мнению начальника отдела продаж, если он пришел сюда со всем отделом, то у него как раз есть подозреваемые. И чтобы версия эта не выглядела авторской, то есть исключала возможность приема ответственности за нее на себя лично, он заручился поддержкой коллектива. Коломийцу сорок четыре года, он уже в зрелом возрасте захватил расцвет социализма, в середине восьмидесятых он был комсомольским вожаком, а потому умение выдавать коллективную вонь за единство духа развито в нем до совершенства.

– Инструкция гласит, что первым обо всех происшествиях в компании узнает президент. И только он принимает решение. И потом, Игорь Игоревич... на той карте памяти были мои разработки на следующий квартал. Адреса партнеров, объемы поставок... – Коломиец сморщился, как печеное яблоко (он в апреле загорелый, потому что бывает в солярии за мой счет), и по лицу его следовало догадываться, что некоторую часть вины за случившееся, но никак не больше того, что запланировано, он готов взять на себя. – Если карта попадет, скажем, в руки руководителей «Энимал-фуд» или «Дог-хот»... Словом, скверно...

Я поджал губы и покачал головой.

– У меня по утрам сбой, – посетовал я. – Еще раз, пожалуйста, Коломиец, о чем это вы?

– Я говорю о неприятностях, которые могут быть причинены нам флэшкой, которая окажется в руках конкурентов.

– Что вы имеете в виду?

Имею я право тоже хоть немного побыть идиотом?

– Ну, карта памяти, на ней данные... Руководители конкурирующих компаний могут сыграть на знании нашей стратегии...

– Вы так думаете или у вас уже есть подтверждения тому?

– Я выстраиваю логический ряд. Я предполагаю.

– Я правильно понял: вас больше тревожит не факт хищения принадлежащей вам вещи, а катастрофические последствия этого?

Коломиец затревожился. Небрежно законспирированная версия, которая могла стать для меня причиной срыва, обнажалась и принимала весьма непристойный вид. Я предложил ему дилемму, и он, не подумав, выбрал самое важное, на его взгляд, решение.

– Естественно, я беспокоюсь за последствия. Сама флэшка – грош ей цена. Но последствия могут быть разрушительными.

– Вы ясно понимаете то, что сейчас сказали?

По лицу Коломийца я догадываюсь, что не совсем.

– Ладно, решение я уже принял, – я взвалил локти на стол и, рассмотрев собственный мобильник, уложил его перед собой.

– Да что тут воду лить, – буркнул кто-то из толпы. – И так все ясно! Пять лет скрепки не пропадало, а тут нате... хрен в томате... Что тут непонятного...

– Все знают...

Эту фразу я поймал сразу, потому что ждал ее. Мгновенно выхватив взглядом одного из самых успешных менеджеров отдела Лукина, я ладонью приподнял его со стула.

– Что все знают, Виктор?

Он замялся. Если бы он был поумнее, то непременно отмазался бы от этого крестного хода. Благо, поводов у него было немерено – он постоянно на взводе, то есть в работе. Оттого и получает публично за мой счет то путевку в Анталию, то плазменный телевизор, предлагаемый Такеши Китано. Такой же телевизор у меня в холле компании. И вот только сейчас он начинает

понимать, зачем Коломиец их привел. Привел-то всех, а говорить по сути одному Лукину. Самое смешное, что и промолчать теперь нельзя, потому что он ходит по отделу гоголем на правах старшего и дерзкого. Но и говорить тоже страшно – а ну да выяснится, что все то, что все знают, – шняга, да и кто ему говорил, что все думают так же, как и он?

– Мы работаем в отделе уже пять лет, – начал Лукин по примеру Коломийца. – Все эти годы мы знаем друг друга как близких. За пять лет не пропало и ручки со стола...

– Это что, урок истории? – врезался в его мутный диалог я. – Лукин, вы тут заверили меня и остальных, что все что-то знают. Я хочу услышать, что именно знают все и не знаю один я.

– Нас в отделе было девятнадцать человек...

– Почему было?

– Потому что сейчас нас двадцать...

– Не останавливайся.

– Пока нас было девятнадцать, у нас никто ничего не крал... – Лукин заговорил тише, потому что ему и самому ясно, что он выдает информацию, достойную дебила. – Но как только нас стало двадцать, тут же случилась кража...

Я раздраженно покусал губу. Еще один мудака, который заставляет президента лично называть фамилии. Еще ночью я обдумывал, как буду давить Факина. Я представлял эту игру долгой и трудной. Не успел я проснуться, как мне тут же предлагают беспроектный вариант. Остается только войти в тему и закончить ее. Но нет, ребята, это не то... Это как если бы я просто не принял Факина на работу.

И потом, помимо желания посоперничать, у меня возникла куда более серьезная проблема. Много мной упущено из виду, коль скоро моббинг уже соскочил с губы моей компании и теперь заразой покрыто все тело.

– Лукин, ты – мужик?

– В каком смысле? – удивился Витя.

– В прямом! – сказал я это довольно громко. Эхо прокатилось под сводом актового зала и осыпалось на головы сидящих сухими брызгами. – Девятнадцать, двадцать!.. Я что, не знаю, сколько людей у меня работает? Кого вы привели ко мне в качестве подозреваемого?!

– У нас только один, кто вызывает сомнения...

Я был о Лукине лучшего мнения.

Теперь вы сами виноваты. Ублюдки хотят, чтобы я удовлетворил их каприз лично, но при этом не опускаются передо мной до того, чтобы изложить проблему по-человечески честно.

Откинув крышку телефона, я набрал номер. Были набраны всего две цифры, и народ заметно заволновался. Внутренние телефоны трехзначные, а московские городские... Словом, нажать нужно гораздо больше кнопок, чем две.

– Милиция? Я президент компании «Глобал», что на Пятницкой. В моем офисе совершена кража, я хотел бы вызвать группу.

Закончив с формальностями, соблудности которые потребовала оператор 02, я захлопнул крышку и бросил телефон на стол.

– Вы этого хотели? Это случилось. И для этого не нужно было приходить сюда всем хором.

Кажется, такой вариант они не просчитывали. Да и не собирались – им было ясно, что тема прокатит.

– А теперь пойдем по списку, – я поднялся и, заложив руки в карманы, спустился в зал. – Первое...

Моя правая рука снова завладела трубкой.

– Алла Георгиевна?..

Алла Георгиевна Штольц – директор фитнес-центра на Большой Полянке. Один визит в этот элитный клуб стоит сто долларов, но за то, что я круглый год кормлю семью из пяти ее бассет-хаундов, она трижды в неделю принимает десять моих сотрудников, четверо из которых как раз сидят в зале. Их там, в фитнес-центре, парят, массируют, поят, подкармливают, качают, релаксируют, и все это комплексное удовольствие стоит мне восемь тысяч долларов в месяц. Должен сказать, что кормежка пяти штольцовских бассетов обходится мне куда дешевле, чем грязевые ванны моих сотрудников мадам Штольц.

– Алла Георгиевна, я приостанавливаю визиты своих сотрудников в ваш клуб. На сегодняшний день я единственный ваш клиент. Так что теперь, если кто явится и скажет, что он пришел от меня, убейте его. Что?.. Нет-нет, собачки питаются по прежней программе... В качестве бонуса я добавляю к их рациону еще и новую разработку сухого десерта.

Удовлетворенно покачав головой и прокашлявшись, я снова набрал номер.

Мне приятно чувствовать спиной и остальными частями тела, как закипает коллективный гнев и как он в нерешительности клубится под сводом зала. Этот клубок злобы не знает, на кого именно броситься: на Факина ли, на Коломийца или Лукина, который трепал, трепал президентовы яйца и наконец растрепал.

– Анна Моисеевна... Это Звон, – прикрыв трубку рукой, интимно сообщил я коллективу. – Анна Моисеевна, я отменял первый пункт приказа № 325?.. Что вы посмотрите? А без посмотреть у вас не получается? Я, к примеру, точно помню, что не отменял, а вы, которая писала этот приказ, не помните? Не отменял? Тогда почему вы не несете мне списки опоздавших на работу и не предоставляете их в бухгалтерию? Я своими глазами видел, как сегодня Гудасов и Пономарева заходили в офис в десять минут десятого. Где сводка? Так, разобрались... Пункт второй указанного приказа?.. Не отменял? Тогда почему в офисе снова появились компьютерные игры? Через два часа доложите обо всем и сразу. На всякий случай: за неисполнение распоряжения президента компании я лишаю вас премии по итогам апреля. Приготовьте приказ.

Как-то так получилось, что по лицу моему пробежала судорога. Я не боюсь офисных интриг только потому, что от них никуда не деться. И воспринимать их нужно с той же долей смирения, с какой воспринимают воскресный дождь, футбольное судейство и смерть. Если бы я был цветущей женщиной, я бы еще добавил: «И месячные». Но я боюсь моббинга. Он пожирает компанию, он уничтожает все благое, что накоплено, он заставляет опыт деградировать, а меня подчиняться пожеланиям так называемого коллектива. Коллектива нет. Есть люди, превращающие себя в коллектив. Но я-то точно знаю, что коллективной вины, как и правды, не бывает. Краснеть способен только один человек, а не группа людей, и Звездой Героя можно наградить только одного человека, а никак не город.

Пятнадцати из девятнадцати сидящих в зале решительно наплевать, будет Факин работать в их отделе или нет. Но они уже поражены болезнью, они уже страдают от нее, не догадываясь, что больны. Две-три жалкие суки сбили с пути праведного пятнадцать не самых глупых людей Москвы. Вот это и есть – моббинг. И теперь, вместо того чтобы гнить из себя давить да благодатью пропитываться, это стадо явилось ко мне, гудя, трубя и воя. Однако стоит поднять любого и заставить озвучить проблему с точным указанием имен, как этот любой тут же выпускает из пор пот и превращается в мразь.

Внутренняя конкуренция сотрудников – нормальное явление для моей компании. Пока нас еще не пронизала идея формирования компаний по западному образцу, в нас живет и будет еще долго жить дух социалистического соревнования. И разницы между нынешним соревнованием и прошлым нет никакой. Что тогда была прогрессивка, что теперь есть, да только в другой форме, что раньше премировали, так и теперь тоже ударников не забывают – DVD, плазменные экраны... Что раньше вручали переходящие знамена и вымпелки, так и теперь... Я думаю, что если те, кто работает в офисе, справятся у своей памяти, то подавляющее боль-

шинство из них вспомнит, что у них или стоят вымпелочки на столах, или дипломчики местного пошиба на стеночке в рамках поблескивают... Хорошо, что вовремя вспомнил.

– Анна Моисеевна! – По голосу ее я понимаю, что она только что всплакнула. На ее месте я бы не всхлипывал, поскольку ее клонам в упомянутых Коломыйцем «Энимал-фуд» и «Догхот» платят в полтора раза меньше. – Доску почета с первого этажа – на свалку! Фотки раздать изображенным, а доску – на парашу!

Когда я только начинал, мой друг, уже пожилой Женя Мартемьянц, он сейчас в Колорадо птицефабрику держит, представляясь всем в России при знакомстве: «Я работаю в аграрном секторе США», говорил мне волшебные слова:

– Игорек, беспрестанно секи за сварами. Склоки между сотрудниками – нормальное явление, если вектор его внутренней конкуренции ориентирован на положительный результат для компании. Если бы ты был хозяином шахты, я бы тебе сказал: «Если шахтеры сплетничают и втихаря сливают друг у друга масло из отбойных молотков, но количество добываемого угля от этого только растет, то сделай так, чтобы и те и другие хорошо питались. Эту войну нужно подогревать до бесконечности. Но если эти пидоры ломают молотки, чтобы они, а не другие получили к Рождеству позолоченные каски и волшебные фонарики, дави крыс». Как только в твоём офисе началось самоопыление по принципу «я – передовик, а вон тот – балласт», а у тебя как бы глубокие сомнения по этому поводу, это сигнал, что ты начинаешь погружаться в задницу капиталистического самоуничтожения. Таким типам все по хер. Компашка не его, его задача отхерить у тебя к Новому году материальные бонусы и максимум кайфовых привилегий на следующие двенадцать месяцев. А потому секи, Игорек, за сварами. От нормальной конкуренции до моббинга – одна сплетня. Не засечешь – тебя опустят активисты коллективного движения. Я вообще не люблю этих активистов... есть в них что-то от гомиков, ей-богу... Эти ффраера занимаются не делопроизводством, а имитацией кипучей деятельности, а это означает, что компания занимается не развитием бизнеса, а выяснением внутренних отношений...

Перекинув телефон из правой руки в левую, я развернулся к потерпевшим от кражи.

– Я бы, конечно, предложил вам, Коломыец, и вам, Гудасов, самим обратиться в милицию. Надо полагать, что флэшка за пятьсот рублей и мобильник за несколько тысяч – вещи не из дешевых... Но Александр сообщил мне, что в его карте памяти заложена стратегия продаж... Это печально. Это гадко. Кто бы ни был вор, воткнув флэшку в комп, он тут же поймет, что можно выжать из материала. Дабы было понятно, о чем я говорю, выражу свою мысль проще: потратив тысячу баксов на покупку файлов карты Коломыйца, «Энимал-фуд» просчитает свою политику на полгода вперед, и нам вряд ли стоит ждать суперприбыли... То есть премиальных, путевок на курорты и контрамарок на презентации блокбастеров... Такие дела.

Торжественно помолчав, я снова обратился к публике:

– Кажется, в нашей компании появился кто-то, кто придумал, как вынести из «Глобал» носитель информации, в который всажен чип.

Я рассмеялся, мне это показалось доброй шуткой. Всем известно, что вынести носитель информации из «Глобал» невозможно. Но об этом позже...

– Как же вор, по мнению Коломыйца и Гудасова, собирался вынести украденное? Над этим стоит поломать голову. Вероятно, в системе безопасности моей компании появилась брешь. Значит, никто не будет обижаться на то, что я усилю бдительность? – И я окинул насмешливым взглядом притихший зал. Я из тех людей, которые всегда найдут объяснения своим поступкам. – Так и знал, что таких не найдется...

– Игорь Игоревич... – кажется, Коломыец понял, куда я клоню. Он сейчас готов язык себе вырвать. Я за суетой упустил контроль за компанией, да и начальник отдела продаж тоже, видимо, распустился за последнее время. Ему, прежде чем шокировать меня глобальностью последствий хищения, следовало вспомнить и принять во внимание, что я человек решительный и в компании у меня погоняло Морозко. Нет, не потому Морозко, что я девочкам под

елочку подарочки складываю и отогреваю в холода. Я Морозко, потому что могу к ебени фене заморозить любого до той степени, когда процесс становится необратим, и охлажденного потом не отогреешь никакими абонементом в сауну. – Так, черновики...

– Я не о содержимом толкую, Коломиец. Я о том, что черновики ли то были, рисунки ваши, эротические фото или чертежи кораблей, – я о том, что карту нельзя вынести из «Глобал», что бы в ее памяти ни находилось!.. А вообще я так вижу: начальник отдела продаж закачал на карту материал для служебного пользования, материал, который рассматривается как коммерческая тайна, а потом бросил носитель информации на стол. На то его место, откуда не украсть просто невозможно. То есть начальник отдела продаж сдал конкурентам нашу стратегию до самого конца года, – выдавив из себя этот бред, я покусал губу и прошелся вдоль помертвевших рядов. – Вы пока отдохните, Александр, отдохните от должности... Пару месяцев поработайте с документами. Я полагаю, что вы должны через месяц представить мне новый проект политики сбыта готовой продукции в регионах. А через месяц будет видно... Лукин, через час доложите мне о том, что приняли текущие дела.

Отдел продаж оглушительно молчал, потому что персоналу достоверно известно, что из моей компании вынести служебную информацию нельзя. Но об этом позже...

Чаще всего в корпоративных войнах участвуют сотрудники отдела продаж. Я не против таких войн, лишь бы не было крови, а была бы прибыль. Для того чтобы война не прекращалась, я публично объявляю лидеров и публично же их премирую. Но в какой-то момент планового ведения своего хозяйства я расслабился и компания качнулась. «Коломиец, Гудасов, Лукин & К°» начали заниматься только тем, что отслеживали результаты друг друга, искали косяки у коллег и занимались анализом чужих ошибок, что их должностными инструкциями не предусмотрено. Этот процесс я поймал в самом начале, спасибо Факину! Если еще не слишком потекли через пробойину кадры и не выветрился командный дух, так это только потому, что пришел Факин и оказался лишним!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.